

КРУПНЫЙ ПЛАН

**ВЛАДИМИР КОРЕНЕВ:
МНЕ НУЖЕН
АМВОН**

Театр. Курьер. 2004.
окт. 10. 10. 04

В 1961 году в жизни Владимира Коренева произошло много значительных событий: он снялся в роли Иктиандра в фильме «Человек-амфибия», закончил актерский факультет ГИТИСа, женился на актрисе Алле Константиновой, с которой они вместе и по сей день, а также был принят в труппу Театра имени Станиславского, где создал десятки главных ролей. Сегодня он играет по пятнадцать спектаклей в месяц. Репетирует в новой постановке «Стакан воды» по пьесе Скриба. В остальное время занимается педагогикой. Считает, что главное в жизни это постоянство и стабильность: «Я привыкаю к людям и люблю своих друзей».

— Ваш отец был контр-адмиралом. У вас не было желания продлить армейскую династию?

— Было. Я люблю море. И отца очень любил. И родился в Севастополе. Но театр победил.

— А что повлияло на выбор профессии?

— В Таллинне в нашей школе был драмкружок. Им руководил артист Таллиннского драмтеатра Иван Данилович Россомахин. Он так сумел влюбить нас в свое дело, что 12 человек стали профессиональными актерами. Лариса Лузина, которая сидела со мной за одной партией, Виталий Коняев, Игорь Ясулович. В то время пиетет перед театром был очень высок. Материальные соображения были на втором плане и ничего не решали. А сейчас вот проводили анкетирование старшеклассников, спрашивали, чем они хотят заниматься и подавляющее большинство сказали: чем-то связанным с экономикой. Но нельзя же всерьез предполагать, что они все собрались в бухгалтера. Просто им родители сказали, что рядом с экономикой будешь жить прилично. Но если заниматься нелюбимым делом, никогда не сделаешь карьеру.

— Но ведь в актерской профессии большое значение имеет случай.

— У немцев есть поговорка: если хочешь рассчитывать на постоянное везение, делай его своими руками. Если любишь, трудишься — обязательно будет результат. Но, конечно, при условии, что есть от природы какие-то данные.

— Вашей самой запомнившейся работой до сих пор остается роль Иктиандра.

— Дай бог, чтобы у артиста была хоть одна роль, которую зритель запоминает на долгие годы. Можно очень многое сделать и ничего не запомнится. Это закон зрительского восприятия. Какая-то одна работа, ну две, в лучшем случае — у очень больших артистов — три запоминаются. Допустим, Тихонов снялся в ста фильмах, а я, если очень напрягусь, назову десять.

— Успех фильма «Человек-амфибия» поспособствовал вашей последующей творческой жизни или помешал?

— В чем-то помог, а в чем-то осложнил мою жизнь. Помог в том, что я проскочил период нищеты. Фильм дал мне возможность зарабатывать, эксплуатируя свою популярность. А помешал тем, что многие режиссеры смотрели на меня только как на романтического актера, хотя я люблю комедийные, характерные роли. И в театре в основном их играю. Люблю, когда люди смеются.

— А как вы попали в такие третьесортные фильмы, как «Бравые парни» или «Выстрел в гробу»?

— Деньги нужны были. Причем мы все заранее знаем, что это кино будет плохое. Но надо жить. Актеры часто после съемок говорят: «Господи, хорошо, что работу закончили и хорошо бы фильм не вышел на экраны». Бернард Шоу, когда был театральным критиком, написал: «Плохие пьесы надо играть плохо, чтобы все видели, какая это дрянь». Не надо их спасать и наивно полагать, что ты при плохом сценарии и средней режиссуре можешь хорошо играть. Так не бывает.

— А интересные предложения попадают?

Да, я сейчас снялся в трех фильмах. В одиннадцатисерийном политическом детективе с рабочим названием «Ликвидатор» я играю генерала ФСБ — положительную роль, одну из главных. Потом сериал «Северный флинт», где я — князь Голицын. Это историческая версия об Александре I. И последняя картина — «Дети Арбата». Там у меня не очень большая роль, но я с наслаждением работал с Андреем Эшпаем. Я давно не встречался с таким режиссером, который сериал превращает в серьезное кино. А вообще у меня редко остается удовлетворение от съемок. Потому что внутренняя ситуация кинематографа меня как театрального актера не вдохновляет. Это так пахнет производством. В театре же есть коллектив, какая-то программа художественная. Тут живой зритель, живая реакция. И больше ответственности, больше риска. Это адреналин, своего рода азарт, болезнь, некоторый наркотик. Я сижу на этой игле уже много лет.

— И только в одном театре им. Станиславского. Никогда не возникало желание поменять театр?

— Нет. Когда я сюда пришел, здесь была блистательная труппа: Евгений Урбанский, Евгений Леонов, Петр Глебов. Прекрасная молодежь: Альберт Филозов, Георгий Бурков, Юрий Гребенщиков. Здесь было у кого учиться и с кем соревноваться. Не было интриг, подсиживаний. Мне здесь комфортно.

А потом, я консерватор по натуре. У меня есть некоторый такой местечковый патриотизм театра Станиславского. И я им горжусь.

— Вы ведь первое время даже жили при театре.

— Да, в декорационном сарае во дворе. Там еще жили Урбанский, Филозов. Никакого быта не было, но было очень весело. А потом нам дали общежитие, где поселились я, Жора Бурков и Алексей Глазырин. Бурков был большой умница. Он юрист по образованию, учился в Пермском университете. И у него была чудная библиотека, которую он сам собирал. Мы ведь в очень большой степени формируемся в общении. В соседнем подъезде жил Евтушенко. Я был председателем театральной молодежной секции, а он — поэтической в Доме актера. И мы там все собирались.

— Сейчас много появилось актерских мемуаров. Вы не хотели бы оставить свои воспоминания?

— Мне одно издательство предложило написать что-то вроде мемуаров. И деньги хорошие обещали. Я купил большую конторскую тетрадь, уехал на дачу, написал первую главу. Потом стал рыться в альбомах по живописи и попал на автопортрет Ван Гога, где он с отрезанным ухом. Вот это и есть мемуары художника. Этим автопортретом он сказал о себе такую страшную правду, которую никто не мог сказать. Потому что это человек, потерпевший полное фиаско, полное поражение во всем. И я понял, что на сегодняшний день не могу сказать о себе такую

правду. Может быть, когда поп придет отпекать, на исповеди последней я ему скажу. Вообще, я не эскибиционист и не считаю, что это надо делать. И из какого сора растут мои цветы не надо никому рассказывать. Если цветы растут, значит и сор есть.

— А вы дневники вели когда-нибудь?

— Нет, никогда. У меня память как у слона. Но очень избирательная. Я, например, не помню номера телефонов. Свой домашний телефон год запомнил. Но что-то из того, что в детстве мне читал отец, я помню. Никогда не учил наизусть Евгения Онегина, но знаю его почти полностью. Моя память хранит огромное количество стихов, каких-то исторических сведений, начиная от Плутарха до русских историков — Карамзина, Ключевского, Покровского... Я сейчас Карамзина перечитываю и подчеркиваю все, что касается нашей ментальности. Как исторически образовывалось российское государство, кто приехал, откуда, почему по-звали князей, почему они не могли договориться и т.д. Потом выберу все это и получится историческая отжимка. Мне кажется, это забавная работа. Или вот Ключевский. Он же выпивал сильно. И его студенты спросили: «Господин профессор, почему вы пьете?» — «Дело в том, что у меня такая профессия». — «Какая? Вы ординарный профессор истории». Он говорит: «Деточка, я профессор русской истории. А русская история это бурное море. А пьяному море по колено». При этом он читал сложнейшие лекции. Например, о расколе, о смутных временах.

А потом говорил: «Впрочем, как говорят в народе, крути баба задом, крути передом, история идет своим чередом». Вот и записывай за таким.

— А чему вы пытаетесь научить своих студентов и нравится ли вам работа педагога?

— С удовольствием этим занимаюсь, потому что я не могу изменить окружающую жизнь иначе, как через своих учеников, передавая им часть моих воззрений и моих представлений об искусстве. Но самое главное, чему можно научить — это хорошему вкусу. Как сказано у Грибоедова: «Вкус, батюшка, отменная манера». И художника от не художника он, собственно, и отличает.

— Значит, о вкусах спорят?

— Только в этом и есть вопрос. Потому что у настоящего художника есть чувство соразмерности, чувство формы удивительной. Я никогда уже не полюблю песен Игоря Крутого, со мной этого не случится. Мой учитель Григорий Конский нам говорил: приносите свои самостоятельные работы. Все принесли Кочетова, Софронова, еще кого-то. И он мне сказал: «Вовка, как ты думаешь, что лучше: научиться играть «Лунную сонату» Бетховена или триста песен Сигизмунда Каца?» Я говорю: «Наверное, «Лунную сонату». Вот научить, сказать, что есть и другой мир в литературе, в музыке, в живописи, чем то пошло, которым нас поят каждый день... Этим я, собственно, и занимаюсь. А потом я по своей природе проповедник. Мне как попу нужен амвон. Я сам себе иногда напоминаю глухонемого энциклопедиста, который в силу особенностей здоровья не может высказаться. Это страшная трагедия.

— Для чего вы создали новый театральный факультет при Институте гуманитарного образования?

— Потому что наши традиционные театральные вузы так давно существуют, что уже забыли зачем. Это как Столетняя война. На эту тему есть чудный анекдот из времен советской власти.

— Расскажите!

— Построили стратегический мост через речку и поставили к нему с двух сторон охранников. Потом решили дать этим охранникам разводящего. Потом говорят: «Все-таки это коллектив. Нужен еще директор». Дали директора. Он говорит: «А как же я без бухгалтера?» Дали бухгалтера. Бухгалтеру понадобился кассир, зарплату выдавать. Затем решили, что много исходящей документации, дали курьера. Потом пришло постановление две единицы сократить. И охранников сократили. А вся эта структура продолжает существовать. Так и здесь. Это принцип любого государственного учреждения, когда структура важнее сути, важнее изначальной задачи. А негосударственным вузам, каким является ИГУМО, в соревновании с государственными нельзя работать плохо. Иначе полетишь. Когда мы готовились к лицензированию, то за основу брали учебную программу ГИТИСа. Но увеличили количество часов, чтобы качество было выше. И я горжусь и своими учениками, и тем, что мы делаем. В прошлом году выпустил курс, сейчас набрал новый. Все мои ребята работают в московских театрах.

— Однажды вы сказали, что поклонники развращают актеров.

— Естественно, развращают. Как всякая чрезмерная любовь. Зрительское внимание — это наркотик, и многие спиваются, когда популярность начинает сходить на нет. Отсюда столько погубленных актерских судеб. Другая опасность в том, что мужикам, особенно красивым, легко пойти по рукам, потому что выбор женщин огромный и нет никаких затруднений в сближении с ними. Поэтому обязательно должна быть граница. Как волк видит расставленные флажки и знает, что туда нельзя.

— Возможно, поэтому вы никогда не отвечали на письма поклонниц, которые к вам приходили по десятку тысяч в год?

— Да на такое количество не то что ответить, даже прочесть их все невозможно. И письма, как правило, приходят пустые. Например, присылают фотокартонку и пишут: «Я живу в гостинице такой-то, в таком-то номере». И подчеркнута: «Одна». Ну что можно на это ответить? Хотя на некоторые я, конечно, отвечал, если что-то серьезное было.

— Это правда, что инициатором вашего брака стала жена, предложившая пойти в загс?

— Да. Меня устраивало состояние вещей. А какого мужчину оно бы не устраивало? Когда все нормально, почему обязательно нужно в загс идти? Вообще это для мужчины всегда ответственный шаг. Я сам не смог на него решиться, мне помогли. Но я об этом не жалею.

— Взаимоотношения двоих после загса меняются?

— Это очень сложные вещи. Никто не может вывести формулу любви, сказать, что это такое. Это часто внутренний дискомфорт. Для меня любовь — это страх. Когда ты знаешь, что если потеряешь это существо, то жизнь станет бессмысленной. Наверное, это единственная проверка.

— Но нельзя жить в постоянном страхе.

— Можно. Я и живу в нем. В страхе за тех, кого люблю. Я за себя не боюсь, а за них боюсь. Я понимаю, что в них моя жизнь.

Наталья КАШИНА

Коренева В. Владимирович
(1110). 10. 04
(0216.5)